

бы никто не дерзнул рубить его деревьям. Из поднимающегося пламени слагаются формы твердынь с башнями, а пылающие горы нового ада увенчиваются огнедышащими орудиями.

XXVIII

Множество вооруженных чудовищ со сверкающими зрачками стоят на страже между зубцами башен: одни смотрят на него, перекосив глаза, другие угрожают ему, потрясая оружием. Наконец Алькаст бежит, хотя и не торопится, как лев, отступающий от охотников; но все же бежит, и сердце его поражено неведомым для него страхом.

XXIX

Сначала он сам не сознавал своей робости: по отойдя дальше, почувствовал, что его заставил удалиться страх; это его изумило и опечалило; жестокое раскаяние грызло его сердце, и стыд, запылавший в нем, направил его шаги в сторону. Он не смел поднять на людей своих надменных прежде взоров.

XXX

Позванный Готфридом, он медленно идет, придумывает по дороге извинение и не хочет приблизиться; но все же идет, тихо выступая, и, подойдя к Готфриду, молчит или говорит, потупив взоры, коротко, как бы во сне. Готфрид видит, что он подавлен стыдом, и, догадываясь о его бегстве, молвит: «Что же теперь подумать? Призраки ли то фантазии или чудеса природы?»

XXXI

Но если найдется еще такой, в ком пылает благородное стремление проникнуть в тот лес, пусть он идет и сделает новую попытку: по крайней мере, мы получим от него самое подробное известие». Так он сказал, и в течение трех следующих дней храбрейшие рыцари пытались проникнуть в тот лес, но устранные видениями, возвращались назад.

XXXII

Между тем князь Танкред, похоронив Клоринду, начал выходить, хотя был еще слаб, бледен и трудно было бы ему облечься в шлем и броню. Но, видя крайность христиан и не отказываясь никогда от трудов и опасностей, он укрепляет свое тело бодростью духа и делает его твердым и крепким.

XXXIII

Дыша отвагой и преданность весь своему намерению, он выходит из лагеря на ведомую опасность, скромно и тихо. Смотрит без страха на ужасающий мрак леса и не смущается ни от ударов грома, ни от шума и землетрясений; однако чувствует трепет в груди, но все же преодолевает его и храбро входит в пределы леса. Вдруг перед ним вырастает огненный город.

XXXIV

Танкред ошарашивается и, придя в сомнение, рассуждает сам с собой: «К чему тут оружие? Неужели нужно броситься в пасть этих чудовищ и в педра всепожирающего пламени? Где требуют долг и честь, там не следует щадить жизни, но здесь, жертвуя ею, без всякой пользы лишишься ее.

XXXV

Но что скажут в войске, если я возвращусь без успеха? Где оно найдет необходимое для себя дерево? Готфрид не откажется от своих намерений без новых попыток. А если кто-нибудь другой успеет проникнуть?! Может быть, это пылающее перед моими глазами пламя более грозно по виду, нежели на деле? Но пусть будет что будет!» Сказал и кинулся в пламя. О, достопамятная отвага!

XXXVI

Танкред не почувствовал на себе ни малейшего влияния жара от столь сильного пламени. Но если бы то и были действительный огонь и чудовища, то все же он не за-